

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА

(Из творческой истории)

1. Лермонтову В. Ф. стихотворений «Лилейной Одоевским, проделала с поэ- рукой поправляя» и «На бурке под тенью чинары». В Ленинграде, в том долгий и трудный путь на лошадях «с милого севера в сторону южную», здесь же написанное на Государственной публичной библиотеке имени Ж. Е. в французском языке библиотеке имени Ж. Е. в сторону южную», Салтыкова-Щедрина, побывала с ним и в Ста- стихотворение «L'Attente» хранится драгоценная рополе, и в Пятигорске. Она («Ожидание»). реликвия — записная была верным спутником его книжка Лермонтова. На творческих замыслов и черновых и окончательных первой странице этой исканий. В нее были вариантов произведений книжки две записи, вписаны черновые и Лермонтова в этой записной сделанные рукою беловые варианты книжке позволяет с современника Лермонтова последних стихов поэта. помощью ряда фактов биографии Лермонтова, а — писателя Владимира Фе- Многие стихотворения Лермонтов также его переписки,доровича Одоевского. стихотворения Лермонтов окончательного установить Первая из них гласит: вписывал в книжку дважды: время и место написания «Поэту Лермонтову дается сначала черновой вариант с последних стихотворений сия моя старая и любимая обратной стороны, а потом, поэта, а в отдельных случаях книга с тем, чтобы он после окончательной и восстановить их творче- возвратил ее сам и всю отделки, беловик на первые скую историю. исписанную. Кн. В. листы («Утес», «Сон», 2. 10 мая 1841 года Одоевский. 1841. Апреля 13- «Тамара», «Они любили Лермонтов писал из Ставрополя С. Н. Карамзи- е. СПб». Вторая запись друг друга так долго и неж- ной, сообщая о своем ное...», «Листок», Лермонтов писал из приезде на Кавказ и о предстоящем отъезде в экспедицию: «Я не знаю, будет ли это продолжаться, но в течение моего путешествия я был одержим демоном поэзии, т. е. стихов. Хаустатовым — 30-го декаб- ря 1843 года. Кн. В. на первых листах (2 об.—7), Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне вероят- ное принесло счастье. Я двумя записями В. Ф. сначала черновой набросок карандашом, потом беловой чернилами. дошел до того, что стал Одоевского — чернилами. Стихотворения «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна» даны только в Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне вероят- ное принесло счастье. Я собственноручная заметка Лермонтова карандашом: «19-го мая — буря». беловой редакции. С оборотной стороны в книжку внесены наброски незаконченных подаренная
- Эта небольшая записная книжка в восьмую долю листа, в кожаном переплете, подаренная

сочинять французские стихи: О, извращенность! Если разрешите, я их напишу здесь же». И дальше поэт приводит написанное на французском языке стихотворение «L'Attente» («Ожидание»). Таким образом, все стихотворения, внесенные в записную книжку В. Ф. Одоевского до этого произведения, написаны поэтом или по дороге на Кавказ, или в Ставрополе. Вместе с тем довольно широко известно, что в Ставрополе, после встречи с кавказским офицером Б. К. Шульцем, Лермонтов написал свое известное стихотворение «Сон». Следовательно, все стихотворения, внесенные в записную книжку перед черновиком этого произведения, написаны поэтом до его прибытия в Ставрополь.

Записная книжка Лермонтова открывается стихотворением «Спор». На чистом обороте предшествующего листа написано рукою поэта: «Восток». Это, по-видимому, название предполагаемого отдела или цикла стихов. Дело в том, что Лермонтов, как и многие его современники, в это время особенно интересовался вопросами исторической роли России, отношения России к Востоку и Западу. Перед своим последним отъездом на Кавказ Лермонтов говорил А. А. Краевскому: «Мы должны жить своей самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою

и за французским. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне... там на Востоке тайник богатых откровений».

Стихотворение «Спор» было написано, несомненно, вскоре после встречи поэта с прославленным генералом А. П. Ермоловым, бывшим тогда в опале. Как это видно из обнаруженного в Центральном государственном военно-историческом архиве и опубликованного в 1846 году С. А. Андреевым-Кривичем черновика письма командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории П. Х. Граббе к Ермолову, Лермонтов, «ломавший» под водительством Граббе походы в Большую и Малую Чечню, отправляясь в отпуск в начале 1841 года в Петербург, вез письмо командующего к опальному полководцу. Беседы с Ермоловым не прошли для поэта бесследно. Рисуя спор Казбека с седовласым Шатом (Эльбрусом), поэт с потрясающей художественной силой показывает победоносное продвижение русских войск на Кавказ.

Встреча с Ермоловым так поразила поэта, что два месяца спустя после создания «Спора», отправляясь на свой последний роковой поединок, Лермонтов

поделился со своим секретантом замыслами двух романов: один — «из кавказской жизни с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране»³ Лермонтов сочувствовал народам Кавказа, проявляя громадный интерес к их культуре, нравам и обычаям, но, подобно Грибоедову, был твердо убежден в прогрессивности и исторической неизбежности присоединения Кавказа к России.

3.

9 мая 1841 года в Ставрополе Лермонтов познакомился с офицером генерального штаба Борисом Касьяновичем Шульцем. Много лет спустя старый кавказский ветеран, участник Севастопольской обороны и штурма Карса рассказывал об этом знакомстве: «В приемной у командующего войсками я застал молодого поручика Тенгинского полка, который от скуки рисовал на полулисте бумаги какие-то безобразные рожи. Я подошел к нему и сказал: — Позвольте познакомиться... — Лермонтов...»⁴

В конце тридцатых — начале сороковых годов Б. К. Шульц был известен далеко за пределами Кавказа своей отчаянной храбростью. Невозможность соединения с любимой девушкой, привела его на Кавказ, где он в известном деле под Ахульго получил

несколько ран, но не вышел из строя, пока одна пуля не повалила его... «Среди убитых и раненых пролежал я весь день, — вспоминает Б. К. Шульц, — затем меня подобрали...»⁵

Ранение было очень тяжелым: грудь пробита навывлет, повреждены легкие и восьмое ребро. Только необыкновенно крепкая натура дала Шульцу возможность не только пережить эту рану, но и относительно быстро стать на ноги. По приказу Николая I, Шульц был награжден орденом Владимира четвертой степени с бантом и произведен из капитанов в полковники. Прусский король пожаловал ему орден Красного орла 3-й степени. В конце 1839 года Шульцу был дан годовой отпуск и он был отправлен на казенный счет за границу для окончательного излечения ран.⁶

Но вот рассказ самого генерала Шульца: «За границей, уже на возвратном пути в Россию, был я в Дрездене. Конечно, пошел в знаменитую картинную галерею. Подхожу и смотрю на Мадонну... Вдруг, чувствую, будто электрический ток пробежал по мне, сердце застучало, как молот.. Оглядываюсь и не верю своим глазам... Воображение или действительность?.. Возле меня, около той же картины, стоит она... Достаточно было одного взгляда, довольно было двух слов... Мы поняли

друг друга и придали особое значение чудесному случаю, сведшему нас после долгих лет разлуки. Моя мадонна осталась верна мне. Родные уже не возражали и мы обвенчались. Сама судьба соединила нас!..»

«Эту историю, — продолжал храбрый воин, — рассказал я Лермонтову... Рассказал, и Лермонтов спрашивает меня:

— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?

— Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими, лучами солнца; но в полузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених?..»⁷

«На следующий день, — заключил генерал Шульц свое повествование о встрече с Лермонтовым писателю А. Бежецкому, — он мне передал свое стихотворение, написанное на тему моего приключения».⁸

Таким образом, стихотворение «Сон» было написано Лермонтовым в Ставрополе 9 мая 1841 года. В искренности рассказа Шульца вряд ли можно сомневаться, ибо, по словам лиц, знавших его, это был человек правдивый, чуждый хлестаковщине.

Однако было бы ошибочным читать рассказ Шульца единственным источником этого лермонтовского

произведения. В стихотворении «Сон» явственно слышны отзвуки песен гребенских казаков, с которыми Лермонтов познакомился на Тереке.

Под пером Лермонтова рассказ офицера Шульца и терские казачьи песни превращались в чудесный художественный сплав, в подлинную жемчужину поэзии. Да иначе и не могло быть: и рассказ Шульца, и казачьи песни, слышанные на Тереке, были только материалом для выражения душевного состояния поэта накануне его гибели. Трагическая любовь в Варваре Александровне Лопухиной (в замужестве Бахметевой), невозможность счастья, мотивы безнадежной любви и безысходной тоски по вольной и счастливой жизни, предчувствие близости неизбежного конца — вот что составляет пафос этого произведения.

Поэт за десять месяцев до встречи Шульцем принимал участие в марше отряда генерала Галафеева, как это установлено дагестанским краеведом Булачем Гаджиевым, проходил по следующим пунктам: Грозный, Внезапная, Герзель-аул, Миалы, Кум-Теркала, Капчугай, Кафы-Кумух, Темир-хан-Шура.⁹ Во всех этих пунктах были привалы. Один из таких привалов запечатлен в альбоме сослуживца поэта по отряду генерала Галафеева — князя П.А. Урусова. В этом альбоме,

найденном в 1940 году № 187, по этой же улице со- лермонтоведом Н.П. хранился старый могучий Пахомовым, содержится дуб с окружностью ствола около 150 зарисовок до 5 метров. Лесоводы карандашом, пером и полагают, что этому дубу не акварелью, и среди них менее 700 лет. Устные невольно привлекает народные предания внимание сделанный повествуют, что под этим неумелой рукой рисунок дубом находился небольшой карандашом, изображающий охотничий домик с тремя пятерых офицеров, окнами, одно из которых устроивших бивак и выходило на улицу. В этом расположившихся в самых домике несколько раз непринужденных позах. В останавливался поэт. От верхнем углу рисунка этого домика осталась надпись: «Ламберт, только наружная стена, Долгорукий, Лермонтов, которая является частью Урусов, Евреинов на забора домовладения № 189. привале к Темир-хан-Шуре Внимательно взглядевшись в в 1840 году». Возможно, что забор, можно увидеть в этом наброске изображен небольшое квадратное привал в Кумтер-Кале. Во углубление, напоминающее всяком случае, заложено отверстие. Это и единственный в Дагестане есть то самое окошко кумтеркалийский пейзаж: домика, которое выходило песчаная долина и желтые на улицу.

4.

Народная молва Старожилы единодушно утверждает, связывает со Ставрополем и такую жемчужину поэзии Лермонтова, как стихотворе- ние «Выхожу один я на дорогу». Местные старожилы до сих пор по- казывают во дворе одного из домов бывшей 1-й Воробьевской улицы (теперь № 161 по улице Дзержинского) небольшую, Лермонтов, читал юной покосившуюся от ветхости Анатолии и ее тетке, моло- хатку, в которой, по их дой тогда женщине, словам, в один из проездов стряпавшей в охотничьем останавливался поэт. Вот домике, стихотворение почему 1-ю Воробьевскую «Выхожу один я на дорогу» и улицу впоследствии долго и показывал ей свои называли Лермонтовской. зарисовки, изображающие Неподалеку, во дворе дома кринуцу и другие живопис-

ные места в окрестностях Ставрополя. По словам рассказчицы, поэт подарил несколько рисунков и листок с текстом «песни» «Выхожу один я на дорогу» хорошенькой Анатолии. Устинья Тарасовна заверяла, что в детстве собственными глазами видела у своей тетки, ставшей монахиней, в келье Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря «картинки, рисованные Лермонтовым», и автограф стихотворения «Выхожу один я на дорогу». Эти ценные реликвии не сохранились: не то они были переданы кому-то Анатолией, не то исчезли во время гражданской войны.

Сообщение

Чуриловой можно считать правдоподобным. Лермонтов, вверяя бумаге каждое движение души, небрежно относился к хранению своих автографов, и многие из них погибли безвозвратно. Биограф поэта П. А. Висковатый передавал, как Лермонтов шутя говорил своему человеку, найдя у него бумажные обрывки со своими стихами: «Подбирай, подбирай, со временем большие будут деньги платить, богат станешь». Об этом же рассказывал в Тарханах Висковатому, со слов своего отца, сын лермонтовского камердинера.¹⁰ В записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским, сти- хотворение написано поэтом набело с незначительными исправлениями, черновой автограф отсутствует. От-

сутствие черновика —

—

косвенное подтверждение правильности рассказа коренной ставропольчанки.

5.
13 мая Лермонтов прибыл в Пятигорск. Вместе со своим родственником Алексеем Стольпиным Лермонтов снял флигель и усадьбу В. И. Чилиева у подножия Машука. В этом домике, который сохранился до наших дней, поэт провел последние недели своей недолгой жизни. Здесь же им были написаны и внесены в записную книжку последние стихотворения: «Тамара», «Свидание», «Листок», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и «Морская царевна».

Первые два стихотворения тематически примыкают к стихотворению «Спор». Оба посвящены Кавказу и, по-видимому, должны были войти в цикл стихов, объединенных названием «Восток».

Одно из многочисленных преданий о грузинской царице Тамаре, жившей в XII веке, легло в основу одноименной лермонтовской баллады. По словам историка грузинской литературы А. Хаханова: «...с ее именем связана масса легенд, превративших ее из строго засвидетельствованной исторической личности в полумифическую с особенностями христианской святой девы или языческого божества. Нет сомнения, что популярной царице приписали на Кавказе много

черт, ей не свойственных, и немало деяний и построек, относящихся к другим лицам. Разнохарактерные наслоения, сочетания противоречивых между собою качеств отразились и на известном стихотворении Лермонтова, которое, вероятно, согласно народным преданиям, говорит, что Тамара была «прекрасна как ангел небесный, как демон коварна и зла».¹¹ В 1897 году журналист А. Грен опубликовал слышанную им от возницы-армянина в Грузии народную легенду: «В Дарьяльском ущелье торчит над Тереком старая-престарая башня. Когда еще царила в Грузии великая Тамара, у нее была развратная, беспутная сестра. Много с ней возилась царица, но, наконец, боясь срама, заперла ее в Дарьяльскую башню. Кто бы ни проходил по ущелью, все и тут стали зазываться негодницей в крепость, а потом этих несчастных убивали, и поныне их души носятся вереницей по ущелью Дарьяла...»¹² Грен, безусловно, прав, когда дальше высказывает предположение, что Лермонтов слышал эту легенду и изложил ее стихами. Лермонтов слышал эту легенду еще в 1837 году. Работая, почти четыре года спустя, по памяти над этим сюжетом, он соединил царицу Тамару и ее «беспутную сестру» в одно лицо. Белинский, относивший это произведение к числу лучших созданий поэта, в статье 1844 года поставил

рядом со стихотворениями «Выхожу один я на дорогу» и «Пророк», которые, даже и между сочинениями Лермонтова, «принадлежат к блестящим исключениям».

И вот, наконец, два последних; стихотворения, в которых так много сокровенных дум и чувств. Первое как будто не оригинально, перевод из Гейне:

Они любили друг друга так долго

и нежно,

С тоскою глубокой и страстью

безумно-мятежной!

Но как враги избегали признанья и

встречи,

И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и

гордом страданье

И милый образ во сне лишь порою

видали.

И смерть пришла: наступило за

гробом свиданье...

Но в мире новом друг друга они

не узнали.

Многочисленные комментаторы много писали об этом стихотворении тщательно разбирая соотношения подлинника и перевода, отмечали сохранение количества строк

оригинала, но увеличение длины каждой, замену трехударного стиха Гейне четырехударным и так далее. Но, как справедливо заметила литературовед и переводчик Н. В. Капиева, весь, интерес и вся сила этого гениального перевода, вернее перевоплощения, именно в этих несоответствиях и добавлениях. Ведь именно они и придают ему то, что Белинский называл «лермонтовским элементом», делают его особенно близким духовному миру русского поэта. У Гейне не говорится, что возлюбленные любили друг друга «долго и нежно, с тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной». Нет у него и «безмолвно гордого страданья», с которым переносили они разлуку без надежды на встречу. Но как раз в этих словах разве не звучат для нас отголоски долгой и нежной любви Лермонтова к Лопухиной, эхо тех молчаливых страданий, которые, потеряв любимую женщину, таил поэт, быть может, до последних дней своей жизни».¹³

Общеизвестно, что чувство Лермонтова к Вареньке Лопухиной было искренно и свято. Поэт тщательно скрывал его от окружающих. Вот почему Лермонтов стремился создать впечатление, что это произведение, является не переделкой, а только переводом любимого стихотворения Гейне из «Книги песен» «Они любили друг друга», намеренно предпослав

своему созданию в качестве эпиграфа начальные строки из оригинала: «Они оба любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому».

Черновые автографы лермонтовских произведений в драгоценной записной книжке, подаренное поэту для заполнения Одоевским, замыкает небольшое по объему, но глубокое по силе чувства, стихотворение:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье .
И молодость погибшую мою.
Когда порой я на тебя смотрю,
В глаза твои вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие:
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Долгое время, с легкой руки Висковатого, считали, что это стихотворение обращено к С. М. Соллогуб (урожденной Виельгорской), жене писателя В. А. Соллогуба, и ошибочно датировали его апрелем 1841 года. Эта датировка опровергается по-

ложением как чернового, так и белого автографов в записной книжке. Только в самом начале 1949 года В. В. Баранов установил истинного адресата этого стихотворения, неоспоримо доказав, что им является родственница поэта Екатерина Григорьевна, Быховец, молодая девушка, проводившая лето 1841 года в Пятигорске.¹⁴

В 1891 году в Самаре в купленной на толчке у букиниста книге случайно было обнаружено и в 1892 году опубликовано в «Русской старине» письмо Екатерины Быховец.

«Мы с ним так дружны были,— сообщала о Лермонтове Быховец своей подруге в начале августа 1841 года,— он мне правнучатый брат — и всегда называл *cousine* (кузиной), его *cousin* (кузен) и любила, как родного брата. Так меня здесь и знали под именем *charmante cousine* Лермонтова».

«Он, — пишет дальше Быховец о поэте,— был страстно влюблен в В. А. Бахметеву, она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был».¹⁵

Теперь все стало на свое место. В заветном стихотворении, обращенном к Быховец (поэт даже ни разу не прочитал его своей прелестной кузине) Лермонтов говорит о своей ранней и неумирающей любви к Бахметевой. Он рисует ее такой, какой она предстала перед ним в пос-

ледную встречу весной 1838 года в Петербурге. Отсюда и «уста давно немые», и «огонь угаснувших очей». Любовь к Бахметевой Лермонтов пронес сквозь всю свою недолгую жизнь.

Стихотворений, которые были занесены рукою поэта в записную книжку, подаренную Одоевским, немногим более десятка, но они говорят о многом. Они непосредственно и полно выражают мысли и чувства Лермонтова, позволяют нам лучше понять его богатый духовный облик. Здесь все: и глубокая личная и социальная трагедия художника, и его горячая любовь к Кавказу, и его мысли о высоком назначении поэта и поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах. Т. 6. Изд. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом), М. Л., 1957, стр. 759.
2. П. А. Висковатый, М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 368.
3. П. К. Мартыанов. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. «Исторический вестник», 1892. IV, стр. 90.
4. А. Бежецкий. Сон (Памяти М. Ю. Лермонтова), «Новое время», 1891, № 5522, 15(27) июля.
5. Г. К. Градовский. Генерал Шульц и Лермонтов. «Исторический вестник», 1902, ноябрь, стр. 476.
6. «Военный сборник». Том СІХХХІІ (№ 7) СПб, 1888, стр. 62—63.
7. «Исторический вестник», 1902, ноябрь, стр. 476—477.
8. «Новое время», 1891, № 5522, 15(27).
9. Булач Гаджиев. Буйнакск в истории и легендах. Дагестанское книжное изд-во. Махачкала, 1961, стр. 32.
10. П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. М., 1891, стр. 94.
11. А. С. Хаханов. Очерки по истории грузинской словесности. Выпуск 1. Народный эпос и апокрифы. М., 1895, стр. 61.
12. А. Грен. В горах Душетского уезда (страницы из моих путевых записок). «Россия и Азия», 1897, пробный номер от 7 октября, стр. 6.
13. Наталья Капиева. Последние стихи Лермонтова. Изд. госмузея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 17—18.
14. В. В. Баранов. Об истинном адресате стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю». Ученые записки Калужского пед. ин-та, вып. 4, 1956, стр. 182—189.
15. Там же, стр. 190—191.